

и, смею сказать, да простят меня те, от которых нынче зависит судьба ДВК и Союза кинематографистов, сегодня уже нет того киношного братства, о котором мы вспоминаем с чувством безвозвратной утраты. Мне могут резонно и небезосновательно возразить, мол, и в прежние, советские, времена была зависть, доносительство и прочие вероломства по отношению к коллегам. Да, они были и всегда будут, так уж устроен человек, и потому заповеди Христовы становятся всё более актуальными: человечество не поспевает за стремительным и чудовищным по скорости развитием цивилизации. Сегодня материальные приоритеты, не только у нас, но и во всём мире — наиглавнейшие. А значит, человек не становится лучше, чище, светлее... Он сегодня более энергичен и целеустремлён, иные поражают неужённой энергией и напором. Многие из нас стали трудоголиками. Многим уже нет возможности остановиться, передохнуть. И подумать — а зачем живём, кроме того, чтобы набить холодильник? В этой бешеной круговерти забот и забегов в поисках лучшей жизни мир почему-то не становится лучше, а человеческие отношения теряют такие качества, как сострадание, добросердечие... Конечно, всё это риторика, возможно, не очень уместная. И всё же надо сказать искренне спасибо за то, что во времена грозных и тревожных перемен, что мы пережили в 90-х, иерархи нашего кино сохранили крошечный островок под названием «Дом ветеранов кино в Матвеевском». Я туда

часто наезжал — отдохнуть, поработать или просто выпить с друзьями и приятелями без строгого и справедливого домашнего надзора. Приезжаю и по сей день. Только уже нет тех, от одной встречи с коими перехватывало от волнения дыхание — возникала иллюзия сопричастности к большому нашему кинематографу, к нашей великой культуре. Лет пятнадцать назад я снял фильм «По едем в Матвеевское». Это скромный памятник нашему Дому — каким он был в начале XXI столетия. Соавтором сценария был мой учитель Сергей Васильевич Комаров. К тому же я снял его монологи. То была последняя прижизненная съёмка выдающегося историка зарубежного кино, интеллигентного, обаятельного человека. Сергей Васильевич не дожил трёх лет до ста. Ему вручали «Нику» за достижения в кинонауке. Сюжет показали по телевидению. На следующий день в столовой, где мы встретились, я сказал Комарову:

— Сергей Васильевич, мы вчера с женой смотрели, как вам вручали «Нику», слушали, как вы замечательно говорили. Моя жена от вас в восторге.

— Слава, — ответил Комаров, усаживаясь за соседний стол, — передай своей жене, что сейчас я для неё не опасен.

В своё время в столовой ДВК было два зала. Слева помещались гости и те, кто приехал отдохнуть или поработать. А в первом зале находились постояльцы-ветераны. И вот как-то я приехал, меня усадили за столом рядом с самоваром. Это было нача-

ло октября 1991 г. А впереди, ближе к выходу, расположились три потрясающие в з р о с л ы е женщины. Для пояснения слова «взрослые». В 2008 г. я снимал фильм о театре киноактёра. Это для меня — несчастный случай. Я о нём непременно расскажу. Но сейчас о том, как я во время съёмок познакомился с изумительной женщиной, выдающейся актрисой Инной Владимировной Макаровой. Я организовал выездную съёмку на природе и пригласил Инну Владимировну. Она задала мне замечательный вопрос: «Вячеслав, а там в з р о с л ы е артисты будут?» Так вот. За столом впереди меня сидели три взрослые женщины, и каждая из них, без преувеличения, — запоминающаяся страница нашей культуры. Рина Васильевна Зелёная, народная артистка РФ, 88 лет. Евгения Филипповна Кунина, дореволюционная поэтесса, 94 года и... Анастасия Ивановна Цветаева, 97 лет! А я всего несколько дней назад сумел приобрести её книгу воспоминаний. Никогда ни у кого не брал автографов. Да, бывало, дарили мне книги и делали надписи. Это естественно, но чтобы подойти и попросить — увольте! Микель Анджело Антониони снял фильм «Блоу-ап». Там есть эпизод. Выступает жутко популярная рок-группа. Молодёжь беснуется. После концерта один из музыкантов бросает в толпу гитару. Её раздирают на куски. Одному парню досталась солидная часть инструмента. Он прижимает её к груди как священную реликвию. А поостыв, уже на улице, выбрасывает её... Мне

кажется, выключенные автографы — сродни этому куску от гитары.

Но впереди меня сидела Анастасия Ивановна Цветаева! И я, побравшись храбрости, подошёл к их столу и сказал: у меня есть её книга воспоминаний, и я мечтал бы получить автограф. Анастасия Ивановна выслушала, взглянула на меня бледно-голубыми глазами:

— Как вас зовут?

— Вячеслав.

— А по отчеству?

— Викторович.

— Приносите книгу, Вячеслав Викторович.

На следующий день я принёс книгу. А. И. Цветаева написала: «Вячеславу Хотулёву на добрую память о семье Цветаевых в очень старой России... Анастасия Цветаева». И ниже сделала приписку: «8 октября, канун дня рождения моей сестры».

... Летом 2014 года я путешествовал по Татарии. Всю жизнь мечтал попасть в Елабугу. И вот, когда представилась возможность с паломнической группой поехать туда, с радостью согласился. Но лучше бы я этого не делал.

Ещё во ВГИКе наш курс увлёкся поэзией Цветаевой. Почему-то мы читали стихи, перепечатанные на машинке. То ли в библиотеке книги её разошлись, то ли те стихи, какие мы читали, ещё не дошли до нас в современных публикациях... Я был ошеломлён. Поражён странной, незнакомой для меня ритмикой, облием знака «тире» и совершенно невероятной, до предела нервной

строкой. Я до сих пор помню начало одного её стихотворения. Не знаю, как оно называется. О Гамлете и Офелии. Меня тогда поразило, как она безоговорочно встала на защиту Офелии: «На дне она, где ил // И водоросли.... Спать в них // Ушла, — но сна и там нет. // — Но я её любил, // Как сорок тысяч братьев // Любить не могут!..» Дальше не помню.

Татарстан — прекрасный край, милые гостеприимные люди. Однако большинство экскурсий я почти не воспринимал, всё время думал о Елабуге, о последнем пристанище Марины, о том, как она ушла из жизни. Оказался симпатичный, чистый приветливый городок, сохранивший постройки XVIII в. И вот нас повезли на кладбище. Заканчивался июль. Было тепло и спокойно, а я нервничал. Приехали. Этот кладбищенский угол давно стал одним из главных экскурсионных мест Елабуги. И мне это почему-то не понравилось. Почему-то мне стало обидно за Марину. За то, что несчастье в одночасье стало предметом досужих экскурсантов, в числе которых, увы, и я оказался.

Место предполагаемого захоронения. Берёза из двух стволов с одним корнем. Заурядный памятник советских времён. Говорят: когда сюда приехала Анастасия Ивановна, она без колебаний указала на эту раздвоенную берёзу, сославшись на детские воспоминания. Никаких научно-изыскательских работ никто не вёл. И потому приходится довольствоваться эмоциональным свидетельством Анастасии Ивановны. По-

том приехали к небольшому свежеевыкрашенному деревянному дому, в котором последние десять дней жизни провела Марина с 16-летним сыном. Две скромные комнатки, чистенькие, прибранные, с толстым слоем экскурсионного провинциального налёта. И коридор — или сени, как будет угодно, где и произошло несчастье. Говорят, в последней ссоре её сын Мур в ярости бросил: «Из этого дома кого-то из нас двоих вынесут вперёд ногами». 31 августа 1941 г. он ушёл на субботник с хозяевами дома. А когда вернулся, увидел страшное.

За гробом Марины шли сын и гробовщик, служитель кладбища. Я не знаю подробностей. Шла война. До мёртвых никому не было дела, даже если эта мёртвая — Марина Цветаева, изгой, несчастная 49-летняя женщина, исторгнутая обществом и коллегами по писательскому цеху. Мур вскоре уехал из Елабуги. За могилой никто не присматривал. Не до неё было. Затерялось место последнего упокоения Марины. После знакомства с последним пристанищем Цветаевой я должен был представлять книгу и фильм под одним названием «Свет огня». Я не мог говорить и сказал всего одну фразу — «Благодарю вас за вашу любовь к Цветаевой, увы, слишком запоздалую».

Встреча с Елабугой произошла спустя почти четверть века после моего знакомства с Анастасией Ивановной. Оно имело некое продолжение, навсегда оставшееся в моей памяти. После того, как А. И. Цветаева сделала мне такую невероятную

надпись на её книге, я был взволнован и потрясён. И потому только и мог сказать:

— Анастасия Ивановна, я вам так благодарен!.. Я хотел бы для вас что-то сделать, но не знаю — что.

Она внимательно на меня взглянула:

— Знаете что, Вячеслав Викторович... (Надо же! Запомнила). Глаза стали плохо видеть. Не могли бы вы прийти к нам и почитать стихи?

И вот через пару дней я постучался в комнату к Анастасии Ивановне. Она жила вместе со старинной подругой, Евгенией Филипповной Куниной. В те дни я ещё ничего не знал о ней. У них в комнате находилась и Рина Васильевна Зелёная. Анастасия Ивановна протянула мне книгу. Это были стихи Сергея Городецкого. Я открыл наугад и стал читать: «Должно быть, жизнь переломилась // И полпути уж пройдено, // Всё то, что было, с тем, что снилось, // Соединилось в одно»... Прочёл до конца. Анастасия Ивановна молча смотрела на меня, улыбалась, потом сказала:

— Да-да. Я помню. Это стихотворение Серёжа нам с Мариной читал накануне первой империалистической... — потом добавила: — Вячеслав Викторович, вы читаете стихи как поэт.

Я смутился, спросил:

— Анастасия Ивановна... Здесь посвящение — «С. Крашенинниковой». Кто такая — С. Крашенинникова?

— Крашенинникова... Крашенинникова, — забормотала Анастасия Ивановна.

— Настя, ну, как же — ты не помнишь Сонечку Крашенинникову? — с укоризной спросила Евгения Филипповна. — Это та самая Крашенинникова, которая пришла с револьвером (ударение сделала на первое «о». — В. Х.) к Валерию Яковлевичу Брюсову. Он увидел револьвер и сказал: «Сначала выслушайте, а потом убейте».

Боже мой, я сидел рядом со «взрослыми» женщинами, которые были участниками и свидетельницами великой литературной жизни начала XX века!.. Они, очевидно, могли забыть, что было полчаса назад, но хорошо помнили то, что было во времена их молодости. Так восстанавливается связь времён, так оживает и моя память, хотя я появился на свет на полвека позже...

Евгения Филипповна прожила долгую жизнь, Она умерла в 1996 г. Ей было 99 лет, как и Анастасии, которая тоже год не дожила до столетия. Сейчас, кроме въедливых литературоведов, никто не знает, какой прекрасной поэтессой была Е. Ф. Кунина. Ибо она всегда сознательно находилась в тени тех, кого обожала и почитала. А между тем у неё есть прекрасные строки: «Уйду — забудут облик мой, // Обычай и повадки. // И эхо — тень души живой — // Останется в тетрадке».

Вскоре Цветаева и Кунина уехали из Дома ветеранов кино. Больше я их никогда не видел. Но мы подружались с Риной Васильевной, и пока она жила в Матвеевском, я часто сопровождал её в прогулках по нашему небольшому парку...